

2019
февраль
№2 (236)

Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
каждый выбирает для себя.

Юрий Левитанский

Точка зору

5 РОКІВ ПІСЛЯ МАЙДАНУ. НЕ ЗУПИНЯЙМОСЯ!

5 років тому у Києві розпочався Євромайдан, що згодом переріс у Революцію гідності і змінив історію України. У ці дні всі українці згадують ті буремні події, хоча варто робити навпаки — думати про майбутнє, будувати плани, діяти. Адже Майдан — це передусім неймовірна енергія.

Ще ніколи ми не були такими гарними

Хвиля спогадів про Майдан, яка розпочалася цими днями і вже не зупинятиметься аж до кінця лютого наступного року, налаштує на дуже ліричний лад. З відстані років ми все більше ідеалізуємо Майдан, адже ті три місяці й справді змінили нас, змінили країну, стали відправною точкою змін у цілій Європі.

Той Майдан знову навчив нас любити Україну, вірити в неї. Адже ще ніколи ми не були такими гарними, як на тому Майдані. Такими єдиними й сильними, щирими ідеалістами, готовими до самоорганізації й взаємної допомоги, адекватними й конструктивними. Згадайте, яким був рівень побутової культури на Майдані! Усміхнені обличчя людей, аристократична ввічливість, тактовність до інших і відчуття спільноти — все це про нас у ті дні.

Як гарно було усвідомлювати, що український народ — такий! Яким здивуванням, шоком було побачити в ту депресивну януковичівську епоху мільйони людей, що ділилися всім — власною гривнею, теплим одягом, їжею, дровами, люб'язністю і добрим словом! Пам'ятаєте людей у метро, які виходили з повними пакетами покупок для кухні Майдану, водіїв елітних автівок, що під'їжджали до барикад, відкривали багажник, а в ньому — запас харчів на двадцять людей? Пізніше це все стало основою для волонтерського руху, який врятував країну в перші дні війни.

Вибори під знаком Революції гідності

Є, однак, у спогадах про Майдан і один негативний аспект — бо стосуються вони

Революція гідності. Київ, майдан Незалежності, 20 грудня 2013 року

Революція гідності. Учасники Самооборони Майдану, Київ, 16 лютого 2014 року

Революція гідності. Київ, майдан Незалежності, 2 грудня 2013 року

тільки минулого. Мовляв, який прекрасний то був час, дні Гідності й свободи, коли ми не просто почувалися, а були європейцями!

Виникає закономірне запитання — а що заважає нам і нині бути такими? Не просто симулювати громадянську активність, пере-

пошуючи заклики звільнити Сенцова чи розслідування журналістів про корупцію у вищих ешелонах влади. А справді вийти на мітинг за свої права, зробити пожертву на благодійні цілі, поволонтерити раз на місяць?

Усі три наступні місяці Революцію гідності будуть використовувати в своїх інтересах політики різних таборів. Хтось називатиме себе єдиним чесним спадкоємцем Майдану, а хтось згущуватиме фарби, намагаючись переконати, що шанс змінити країну втрачено. Виборча кампанія вкотре використає ідеалістів і розчарованих циніків, перемеле людські мрії й емоції в доріжку до влади.

Але ж насправді наша революція була не про владу! Вона була про нас самих, для нас самих — ми вийшли на вулиці й площі, бо просто не могли залишатися осторонь. Щось всередині нас пекло, спонукало — сумління, мрії, злість за продаж країни Кремлю? — і ми мусили щось робити, бо скласти руки означало погодитися на приниження. Ми не завжди тоді вірили в перемогу, але сидіти вдома не могли — бо це б означало, що ми невдахи, люди другого сорту, що хтось вирішує за нас. Наша гідність не дозволяла нам на таке.

Чому ж нині ми такі пасивні? Звідки ця апатія, зневіра в майбутньому?

Не треба згадувати минуле. Треба діяти. Продовжувати йти. Боротися і перемагати.

Найкращий спосіб згадати про Революцію гідності — зробити щось для країни сьогодні.

Андрій Любка

Український поет, прозаїк, есеїст. Автор восьми книжок, лауреат літературних премій «Дебют» та «Київські лаври». Твори перекладені на понад десять мов, окремими книжками виходили в Австрії та Польщі. Живе в Ужгороді.

Елена Брук

ДАВНО ХОТЕЛА РАССКАЗАТЬ ТЕБЕ...

Переполненный грязный состав отвалил, наконец, от станции Джанкой. Из темного ула вагона дедушка следил за теснившимся в проходе людьми, и сердце его колотилось: что делать, если сейчас придут снимать с поезда? С подножки прыгать? Бежать по степи? Сам бы спрыгнул и ушел от кого угодно — не догнали бы. Он говорил, что его тогда мало кто мог догнать без лошади. Но за его руку крепко держался семилетний дядя Сима. (Это на его книги по сверхточной механике,

сын, ты натолкнулся в библиотеке Гарварда.) А на коленях у бабушки сладко спала годовалая малышка — моя мама. И точно так же по всему Крыму в тот ранний час сопели и причмокивали во сне сотни детишек — в еврейских коммунах, в домах немецких колонистов, в саклях крымских татар, не ведая, что их ждет.

«До после Симферополя я все опасался, нет ли за нами погони», — писал дедушка.

По мемуарам дедушки

А в районе нету Мони, никакого Мони, Там играет дядя Федя на своей гармонии.

Фрайдорфский район охватывал большинство еврейских сельскохозяйственных поселений, созданных на необжитых и наименее благоприятных для сельского хозяйства землях северо-западного Крыма. Он отличался от других еврейских национальных районов тем, что еврейские хозяйства здесь были исключительно переселенческие, основанные в 1920-х гг.

Их было четверо братьев с женами и еще бабушкины родственники — молодые, сильные, образованные. Философы, романтики, мечтатели. Они оставили Москву, цивилизацию, университеты и театры и поехали осваивать голую степь, строить на бесплодной крымской земле свою, новую жизнь. Их манила какая угодно земля, пусть сухая и твердая как камень, но своя. Свой язык, свои школы, свои театры и библиотеки — ради этого поехали.

Еврейский переселенческий участок № 124... Впервые отмечен на карте по состоянию на 1931 год...

Окончание на с. 2

ШАГ В ИСТОРИЮ

ДАВНО ХОТЕЛА РАССКАЗАТЬ ТЕБЕ...

Окончание. Начало на с. 1

Время присвоения селу названия Фрилинг по доступным историческим документам установить не удалось.

И действительно, откуда знать интернету, что это мой прадед (а твой прапрадед) Мордух Рабинович с сыновьями и соседями назвали основанное ими в 1924 году селение Фрилинг – Весна.

Прадедуска Мордух до революции был арендатором богатого польского имения и очень хорошо умел вести хозяйство. А дети его имели инженерное образование – кто российское, кто западное.

Бабушку в ее престижной гимназии учили математике, языкам, музыке, а в Крыму пришлось ухаживать за овцами, печь хлеб и месить кизяк. Потом, через десяток лет, в эвакуации ее это очень выручило: единственная из ленинградских дам, она все это умела – и никто так и не узнал, где она научилась.

Вот они и пахали на земле с утра до ночи, налаживали орошение, доили коров, пекли хлеб, растили скот. А в свободное время строили свой поселок.

И понемногу тощая, солоноватая крымская земля начала оживать и просыпаться. Пошли невиданные урожаи; засушливая степь превращалась в благодатный край. Маслянистым блеском отливало на солнце дедушкино стадо черно-каракулевых овец, а черный каракуль высоко ценился на меховой ярмарке в Лейпциге. Развивалась торговля. Крымские татары продавали овечью шерсть, ковры, молоко и сыр, а немцы – полотно, зерно и муку. Евреи вывели новые сорта овощей. Сладкий фиолетово-красный лук, известный сегодня как «крымский», вывели из голландских сортов именно они и именно тогда, в коммуне Икор.

Икор (Пахарь) основали уцелевшие после погромов выходцы из Белоруссии: в степи у дороги на Евпаторию нашли два заброшенных колодца и развалины усадьбы и начали строить селение. Американские евреи дали деньги, прислали технику, посевной материал – и слава о коммуне Икор пошла по всему Крыму. Принимали туда по очень жесткому конкурсу, и наши сумели вступить туда только в середине 1929 года, уже подняв свое хозяйство. Там были сады, виноградники, бахчи, молочная и мясная ферма. Один за другим росли крепкие, благоустроенные дома из камня.

Немецкие колонисты удивлялись порядку и пунктуальности в коммунах, искусственному орошению, грамотному севообороту, щупали отборную виноградную лозу, которая поставлялась в Массандру. Приезжали американцы, заходили в дома с водопроводом и электричеством, смотрели, как быстро расцветает и ширится крымское чудо: американцы и сами, кто в первом, кто во втором поколении, бежали из той же самой России, из той же черты оседлости.

Арбузы, дыни, мясо и молоко везли на рынки и в санатории Крыма. Построили школу, библиотеку, маленький театр, ставили спектакли на идиш. Планировали водохранилище с зеркальными карпами, хотели разбить парк и ботанический сад вокруг дома культуры, провести трамвай в Евпаторию. Извечная мечта евреев – своя земля, свобода – уже почти была, казалось, у них в руках: неужели действительно оставят в покое?

А тем временем в нескольких десятках верст от них, на залитой солнцем белой веранде над морем, в плетеном кресле сидел рябой рыжеватый уголовник и решал, что будет с ними завтра.

И вдруг оказалось, что они уже вовсе не гордые и сильные люди, строящие новую жизнь на новой еврейской земле, а простые колхозные рабы, подневольные и бесправные.

Невидимые крепкие нити тянулись с белой веранды к человеческим судьбам, опутывая всю землю. Власть пьянила рябого: одного неувлимого движения прокурных пальцев было достаточно, чтобы летели тысячи голов, пусть и самых заслуженных и преданных. Чуть шевельни рукой с трубкой – и миллионы марионеток послушно сорвутся с места и сгинут в Сибири.

В Икор стали приезжать всякие уполномоченные, распоряжаться, что и как растить. Заставили сдавать хлеб, запретили разводить овец. Угрозами и

шантажом начали стогнать в колхозы – и потихоньку, негласно, брать на заметку самых успешных, самых процветающих и независимых – на раскулачивание и вредительство.

Дедушка сразу все понял, еще раньше, чем американцы, и начал готовиться к отъезду. Один за другим уезжали родственники, а Джойнт все давал и давал Кремлю миллионы долларов на индустриализацию. А потом и уехать стало нельзя: начались аресты «дезертиров колхозного фронта».

Уже понимали, что придется бросить и дом, в который вложено столько любви, и хозяйство, нажитое таким тяжким, таким самозабвенным трудом. Бросить на ветер свои мечты, свои планы, свою молодость. Но лучше уж бросить, чем под дулом нагана отдать. Дурное предчувствие висело в воздухе, и дело было за малым толчком.

Однажды дедушка пошел в Евпаторию договориться о продаже сена. Но не успел дойти до места, как на улице его остановил знакомый милиционер, из бывших соседей. «Домой не возвращайся», – только и сказал он. Дедушка понял, что должен уходить из Евпатории. И послал в Икор записку с попутным крестьянином.

«Возьми детей, – писал он, – и из вещей, что можешь унести. Я встречу вас на станции Джанкой. Не теряй ни минуты». Он секунду подумал и дописал внизу: «Иди и не бойся».

Когда в окно постучали, уже стемнело. Бабушка складывала снятое днем с веревки белье. Она разогнулась, прочла записку и бросила ее в печь. Оглядела комнату. Большим хлебным ножом разрешила надвое огромный ковер, занимавший всю стену. Бросила в него две буханки хлеба, пару луковиц, узелок вареной картошки, кое-что из вещей и одежды, закатала и связала веревкой. Разбудила детей, усидела в телегу, взвалила на спину этот ковровый узел – и пошла прочь от своего двора. Ни проститься, ни заплакать. Ушла не оглядываясь, как все беженцы во все времена.

От Евпатории до Джанкоя 140 километров, если по дороге. Дедушка добирался напрямую, через степь, ночуя и прячась в балках. И дошел.

«Это было в марте 1931 года, земля была сухая, и я прислушивался к каждому стуку колес, – писал дедушка. – Прислонился к земле, прислушивался, не они ли едут. Наконец я дождался. Прямо на вокзал мы поехали». В чем были, в том и поехали в Москву.

«Семью я решил оставить в Москве, а сам боялся навсегда остаться в Москве и решил направиться в Ленинград. Я ведь приехал без документов».

Решил и поехал. Устроился рабочим на стройке (дробил кирпич, копал ямы для фундамента и т. п.). Квартиру снял за 70 рублей в месяц, две комнаты. Коль скоро я имею квартиру, я поехал за семьей».

Мама всегда удивлялась, что за целую жизнь ей ни разу не встретился ни один человек, родившийся там, где она, или живший там в те годы. Куда-то подевалось селение Фрилинг и само упоминание о нем. Исчезли ее земляки, как не было.

Не хотелось пересказывать ей, что поведал мне «Гугл» и что я подозревала всегда: что людей ее родного селения не арестовывали и не высылали. И не раскулачивали даже. А просто в один день пришли энкавэдэшники и расстреляли на месте всех до единого. Спаслась одна наша семья да кое-кто из тех, кто бежал еще раньше – в Палестину. А те, кто не

успел уехать, навсегда остались лежать в крымской земле.

«Больше всего я боюсь, – говорила мама, будто тоже догадывалась, – оказаться среди тех, кто не успел уехать. По всей Европе, по всему миру во рвах лежат именно те, кто в разные годы по разным причинам не успел – или не захотел – уехать».

[Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 мая 1948 года Фрилинг переименовали в Николаевку. Николаевка ликвидирована к 1968 году (согласно справочнику «Крымская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1968 года», в период с 1954 по 1968 годы).]

Вот такая весна.

Дедушка не застал интернета. Он так и не узнал, что стало с теми, кто остался в Икоре, кто решил стерпеть, уступить и смириться: Гуревичами, Кучеровыми, Фельдманами, Шапиро.

А там своим обычным путем шла коллективизация. Преподавание в школе потребовало перевести на русский язык: в Икоре появилось несколько русских семей, бежавших от голода. Из них только один потом не стал полицаем – остальные с готовностью надели долгожданную фашистскую форму.

Этот один. Был ли он праведник? Нет, наверное, такой же малограмотный полтавский крестьянин, как остальные. Но то самое исключение, не дающее умереть вере в людей, один на всю округу, – он все-таки был, он промелькнул в недолгой истории коммуны Икор.

[Вскоре после начала Отечественной войны часть еврейского населения Крыма была эвакуирована, из оставшихся под оккупацией большинство расстреляно.]

Дедушка не узнал, что Исаак Кучеров, сын его соседа, вернулся с фронта в Икор и остался там жить, хоть и был дом его занят. Он жил там и выведывал, поил и расспрашивал, ходил на их пьянки и слушал. Он все записал и опубликовал. О немыслимых, невообразимых зверствах, совершенных в селе Икор. Таких, о которых я не могу здесь писать. О девочках, ровесницах мамы, тех самых, которых ей так и не довелось за целую жизнь повстречать.

Думаю, твое американское воображение, сынок, не сможет вместить этот запредельный садизм: мы ведь живем, притворяясь, что его нет, а он никуда не денся и ждет.

А полицаи, как у них водится, въехали в дома убитых. «Когда начали возвращаться люди из эвакуации, – пишет Исаак, – полицаи не хотели освобождать их дома».

Сладко ли спится потомкам убийц и садистов на чужих постелях? И неужто пьют они воду из тех самых колодцев?

[Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 августа 1945 года Икор переименовали в Ромашкино.]

Сколько помню себя, в моей комнате лежал темно-пурпурный шерстяной ковер. Он не изнашивался и не тускнел, как его ни топчи. На нем можно было запустить волчок, возить игрушечные грузовики, строить домики для кукол. По нему мог пройти в тяжелых сапогах сосед-пьяница дядя Саша, а ковер все равно ничего не делалось. Он всегда был как новый – яркий, плотный и очень теплый, с кистями и бахромой с трех сторон и неровным зубчатым краем – с четвертой. Мне только сильно не нравился узор: какой-то изломанный и неприятный, что-то царяло в нем, и я старалась на него не смотреть, когда просыпалась утром. Через много лет увидела этот же орнамент – традиционный персидский – в галерее антикварных восточных ковров на Пятой авеню.

И стоит, наверное, еще и сейчас где-то в Крыму тот добротный каменный дом, построенный моим дедом, а твоим прадедом, имя которого носит твой брат. И живут в нем, наверное, какие-то очередные «крымчане». Как и в Могилеве, и в Лейпциге, и в Питере. А сколько таких брошенных или краденых домов по всему миру – и в Вене, и в Праге...

Но все равно мы с тобой победители, сынок. Наши вытянули счастливый билет – продуктовые карточки и хлебные очереди, коммуналки, войну, блокаду, бомбежки, Ладожское озеро, землянки и окопы. Жизнь.

Иди и не бойся!

Елена Брук

ПРОШЛОЕ. БУДУЩЕЕ

Литаль Шемеш

С ПАЛЕСТИНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ,
ЕСТЬ ТОЛЬКО ПРОШЛОЕ, А БУДУЩЕГО НЕТ

Литаль Шемеш — молодая, либеральная израильская журналистка, активно вовлеченная в политическую деятельность на различных фронтах. Ее считают восходящей звездой израильской прессы, открыто выражающей свои политические взгляды. Ниже приводится перевод ее статьи из Walla

Вместе с другими израильскими и палестинскими политическими активистами, я приняла участие в проекте «Диалог о мире». Целью проекта было выявление будущих лидеров, которые в будущем смогли бы добиться мира.

Проект включал регулярные встречи и заключительный семинар в Турции.

На третий день семинара, когда все были друг с другом знакомы, барьеры были отринуты, и участники угощали друг друга рахат-лукумом, словно их никогда не разделяла пограничная стена, мы начали затрагивать темы, болезненные для обеих сторон.

Палестинцы говорили о дорожных заграждениях и израильских солдатах на «территориях». Израильцы говорили о постоянном страхе, смертоносных атаках террористов и непрекращающемся ракетном обстреле из Газы.

Израильская сторона, включавшая в себя как левых, так и правых, пыталась понять, как палестинцы представляют себе завершение конфликта, пыталась докопаться до условий, при которых палестинцы согласились бы жить с ними в мире. В каких областях они

согласились бы проявить гибкость? Какие решения лучше всего отвечали бы их надеждам? Где, по их мнению, должны проходить будущие границы палестинского государства, о котором они так пылко мечтают?

Для нас было потрясением открыть, что ни один из них не упомянул палестинское государство, или, точнее, палестинское государство, сосуществующее с Израилем.

Они говорили об одном государстве — своем. Они говорили о контроле над Яффою, Тель-Авивом, Хайфой, о страданиях, которые принесла им накба (катастрофа, как называют арабы воссоздание Израиля). Будущего для них не существовало — только прошлое. «Евреи не имеют права жить рядом с нами. Пусть сперва расплатятся за свои преступления.»

В процессе диалога, который деградировал до криков, палестинцы потребовали, чтобы мы не называли террористов-смертников террористами, потому что они их таковыми не считали.

— Так как же вы называете человека, который надевает пояс со взрывчаткой и взрывает себя в тель-авивской толпе, целенаправленно стремясь убить как можно больше невинных людей? — спросила я участников.

— У меня есть четырехлетний ребенок, — ответил Самах из Абу-Дис (рядом с Иерусалимом). — Если, Боже упаси, с ним что-нибудь случится, я постараюсь сжечь какой-нибудь израильский город целиком.

— Три недели назад у нас родился сын, — ответил Амихай, религиозный студент-еврей из Иерусалима. — Если, Боже упаси, с ним что-нибудь случится, смерть других людей меня не утешит.

В семинаре принимали участие израильцы, представлявшие весь политический спектр страны: Ликуд, Партия труда, Кадима, Мерetz и Хадаш (объединенная еврейско-арабская социалистическая партия). Все они пришли к выводу, что все сочиненные ими замечательные сценарии мира между Израилем и палестинцами просто не выдерживают столкновения с действительностью.

Проблема в том, что большинству израильтян никогда не представляется возможность сесть за стол с палестинцами и вступить в диалог, который продемонстрировал бы им, что в действительности думает о конфликте другая сторона.

Источником нашей информации являются заявления Махмуда Аббаса международной прессе, которые всегда противоречат тому, что он говорит в своих интервью аль-Джазире, где он рисует совершенно иную картину.

Я приехала на семинар полной надежд. Я возвращаюсь домой с болезненным чувством безнадежности. В идее сосуществования двух государств есть что-то, противоречащее действительности.

Как мы можем вернуться к столу переговоров, если израильская сторона говорит о «двух государствах для двух народов», а палестинская — об «освобождении» «Палестины» от реки Иордан до Средиземного моря?

Как может мир пустить корни среди людей, для которых терроризм является образом жизни?

Это — далеко не первый случай, когда группа израильских пацифистов встречается с арабами только для того, чтобы убедиться, что говорить им не о чем и не с кем.

Алексей Викторов

ЭШАФОТ ДЛЯ ФРИДЫ

Эрих Мария Ремарк не был евреем. Но его антивоенные романы сильно бесили Гитлера. В итоге нацисты объявили Ремарка «французским евреем Крамером», схватили его сестру и отрубили ей голову.

Ненависть фашистов к Ремарку родилась в 1929 году — тогда вышел его антивоенный роман «На Западном фронте без перемен», признанный одной из лучших книг о Первой мировой войне. Ремарк, призванный в армию со школьной скамьи, прочувствовал и описал войну без героического пафоса, зато с болью и страданиями. Там были не только бои и сражения, но и загубленные жизни, искалеченные судьбы, внутренние переживания, падение веры и идеалов.

«Вернулось с войны не более половины ушедших, — вспоминал Ремарк. Те, кто выжил, по сей день не пришли в себя. Я тоже — живой покойник». Похожие слова автор вынес и в предисловии романа: «Эта книга не является ни

обвинением, ни исповедью. Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал её жертвой, даже если спасся от снарядов». Фашистами подобные откровения воспринимались как слабость, ведущая к пораженческим настроениям — а на них настоящий ариец не имеет права. Ремарк был провозглашен предателем родины.

Эрих Пауль Ремарк родился в немецком Оснабрюке в семье владельца небольшой переплетной мастерской. С детства Ремарк был увлечен живописью и музыкой, играл на пианино и органе. Всерьез задумываясь о музыкальной карьере и без устали оттачивая мастерство, к 17 годам он уже сам давал частные уроки музыки. Незадолго до начала Первой мировой войны Ремарк успешно сдал экзамены в королевскую семинарию Оснабрюка, но уже через год его призвали в армию.

Полученные в боях ранения, одно из которых сильно повредило руку, прервали его музыкальную карьеру. В госпитале он узнал, что умерла его мать Анна-Мария — в честь нее Ремарк позже и сменил свое имя с Эрих Пауля, на Эрих Мария Ремарк. Впрочем, Ремарк, вернувшийся с войны и награжденный Железным крестом первой степени, и без того был уже совершенно другим человеком — убежденным пацифистом.

Несколько лет Ремарк искал себя во всевозможных сферах — был бухгалтером, давал уроки игры на пианино, торговал, работал в бюро по производству могильных памятников, сидел без

работы и жил в цыганском таборе. Позже он написал об этом в «Черном обелиске». Первое же его произведение — «Приют грез» — было опубликовано в 1920 году. Однако серьезно заняться писательской деятельностью Ремарк решил только в 1926-м, когда опубликованные им романы «Женщина с золотыми глазами» и «Из юношеских времен» неожиданно для него самого были тепло встречены читателями, да еще и сопровождалась похвалой критиков.

Следующий роман — «На Западном фронте без перемен» — и вовсе принес Ремарку ошеломляющий успех. Книга, написанная всего за шесть недель, только за первый год разошлась в Гер-

мании тиражом в полтора миллиона экземпляров. И это при том, что долгое время Ремарк обивал пороги издательств, получая лишь отказы — ввиду «неактуальности темы». Даже то издательство, которое взялось за печать романа, мало надеялось на успех и сразу же оговорило в договоре сумму возмещения ущерба: Ремарк должен был отработать ее как журналист в случае, если затраты на книгу не оправдались бы.

Едва отрывки романа стали выходить в газете издателя, ее тираж тут же увеличился в несколько раз, а число предварительных заказов на книгу уже в первую неделю составляло более 30 тысяч. Вышедшая в продажу 29 января 1929 года, книга стала самой продаваемой в Германии за всю историю. Переведенная на 26 языков, она тут же стала бестселлером. Вслед за этим американская кинокомпания Universal Pictures купила у Ремарка права на экранизацию. Одноименный фильм, производство которого закончили уже весной 1930 года, после премьеры в США привезли показывать в Берлин.

Тем временем на Ремарка не прекращались нападки со стороны членов НСДАП. Антивоенная направленность романа, повествующего о бессмысленности и бесчеловечности войны, совсем не вписывалась в пропагандируемые фашистами идеи. Набивавший силу Гитлер объявил писателя французским евреем Крамером и поручил будущему министру пропаганды Третьего рейха Йозефу Геббельсу сорвать показ фильма.

К вечеру 5 декабря 1930 года к кинотеатру, где была намечена премьера фильма, прибыло порядка 200 штурмовиков. Они криковали антисемитские лозун-

ги и нападали на зрителей, имевших, на их взгляд, еврейскую внешность. Вскоре в окружении нескольких нацистских депутатов появился и Геббельс, вошедший в зал. Вслед за ним на балкон зала, где демонстрировался фильм, прошли и все штурмовики, заранее обеспеченные билетами. Едва на экране появились первые кадры, в зрителей с балкона полетели дымовые шашки. Все выбежали из зала, показ был сорван.

Окончание на с. 4

КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ

ЭШАФОТ ДЛЯ ФРИДЫ

Окончание. Начало на с. 3

Торжествующая толпа коричневорубашечников, продолжая выкрикивать антиеврейские лозунги, победоносно вышла из кинотеатра. Так продолжалось пять вечеров подряд.

Геббельс писал в своем дневнике: «Вечером в кино. Уже через 10 минут начинается сумасшедший дом. Полиция бессильна. Разъяренные толпы накидываются на евреев... Снаружи атакуют кассы. Звенят оконные стекла. Тысячи людей наслаждаются этим спектаклем. Демонстрация фильма отменена и следующая тоже. Мы выиграли».

Впрочем, полиция все-таки запретила в связи с этим любые демонстрации нацистов в Берлине. Но президент страны Пауль фон Гинденбург, тем не

менее, официально запретил к показу фильм, «оскорбляющий чувства ветеранов войны». «За низкое эстетическое качество» — гласил окончательный вердикт комитета цензуры при министерстве иностранных дел Германии. Нацисты праздновали очередную из своих побед.

После прихода Гитлера к власти книги Ремарка были сожжены одними из первых. «В 1933 году я был символически сожжен вместе со всеми моими книгами», — вспоминал Ремарк. В 1938 году на немецком языке вышел очередной роман Ремарка «Три товарища». В том же году Эриха Марию Ремарка лишили германского гражданства. Решение показательного суда гласило: «При поддержке еврейской прессы он самыми мерзкими средствами оскорблял память павших на мировой войне, и уже поэтому должен быть исключен из германского народного общества». В 40-м Ремарк, до того живший в Швейцарии, переехал в США.

Не в силах добраться до писателя, фашисты решили отыграться на его родственниках. В 1943-м гестапо — за «возмутительно лживую пропаганду в пользу врага» и «подрыв обороноспособности страны» — арестовало его младшую сестру Эльфриду Шольц, оставшуюся в Германии. Председатель так называемого

народного трибунала обратился к Эльфриде со словами: «Ваш брат ускользнул от нас. Но вы от нас никуда не денетесь». И приговорил ее к казни на гильотине.

Ее прощальное письмо старшей сестре было написано 4 декабря 1943 года: «Я в Плётцензее. И сегодня пополудни, в час, меня больше не будет».

О ее гибели Ремарк узнал уже после окончания войны, посвятив Эльфриде роман «Искра жизни», опубликованный в 1952 году. В том же году он впервые после отъезда и последний раз в своей жизни побывал в Германии. Главной целью той поездки Ремарка в Берлин было посещение тюрьмы Плётцензее, где нацисты отрубили голову его сестре. В честь его приезда в Западном Берлине состоялся показ фильма «На Западном фронте без перемен», с которого и начиналась вся эта история.

Алексей Викторов

ОЧНИСЬ, АМЕРИКА — ЭТО КАТАСТРОФА!

Бен Хехт

В зимний вечер в начале января 1943 года двое друзей шли по Пятой авеню в Нью-Йорке. Потом они сели на скамейку под фонарем. Один из них вынул из портфеля швейцарскую газету и прочитал своему другу статью, где говорилось о предложении румынского правительства — правительствам США и Великобритании: разрешить 70 000 евреям из Транснистрии (За-

днестровья) бежать из Румынии по цене в 50 долларов за каждого. Далее подчеркивалось, что это предложение потеряет свою силу, как только нацисты вторгнутся в Румынию, а они были готовы это сделать в любой момент.

Два друга, два еврея — знаменитый композитор Курт Вайль и не менее знаменитый голливудский сценарист, лауреат премии «Оскара» Бен Хехт, почувствовали, что судьба 70 тысяч евреев в их руках. Несколько тысяч километров и огромная удача отделяли румынских евреев от страшной смерти в нацистском аду.

Хехт не удивился, сумев узнать по своим каналам, что американское и британское правительства отказались спасти евреев и ничего не ответили на предложение Румынии. Его реакция была жесткой. Сценарист использовал весь свой сарказм и опубликовал объявление в нью-йоркских газетах огромными буквами: «На продажу: 70 тысяч евреев по 50 долларов за каждого». Вкратце в объявлении говорилось, что три с половиной миллиона долларов спасут 70 000 румынских евреев из лап нацистов.

Руководству американского еврейства не понравился поступок Хехта. После публикации его объявления глава еврейской общины США и лидер реформистского движения, раввин Стефан Вайс обнародовал такое заявление: «Американский Еврейский конгресс хочет уточнить, что не было никакого одо-

брения по якобы полученному предложению румынского правительства разрешить выезд 70 тысяч евреев. Следовательно, нет никаких оснований для кампании по сбору средств».

Через пять лет открылась правда. Бартли Крам, член англо-американского комитета, подтвердил, что предложение румынского правительства действительно поступило. Американцы и англичане его отвергли. Хехт позже писал, что «70 тысяч евреев, которых можно было спасти, собрали в амбары, пропитанные бензином, сожгли, а тех, кто пытался вырваться из пламени, перестреляли».

Хехт не сдался. Он продолжил вести войну за правду. Во главе самой популярной газеты в Америке «Нью-Йорк Таймс» стоял ассимилированный еврей Артур Хейс Сульцбергер, который тщательно «похоронил» информацию о Катастрофе за рекламной фрунтонкой консервов и теннисных туфель. Сульцбергер утверждал, что еврейской нации не существует, поскольку иудаизм — это только религия, а не национальность, поэтому нет никакой связи между ним и евреями, убитыми в Европе. Хехт пытался привлечь своих еврейских друзей из Голливуда, но не получил поддержки. Те, кто бежал от своего еврейства, как от чумы, опасались, что их поддержка протеста приведет к антисемитской реакции.

Поскольку имя Хехта ассоциировалось с ревизионистским движением, которое было противником МАПАЙ и Еврейского агентства, сионистское движение подвергло его анафеме.

Изменение в сознании американцев, которого добивался Хехт, начало происходить после шоу, созданного им вместе с Гиллелем Куком под названием «Никогда не умрем» и проведенного в Мэдисон-Сквер-Гарден в марте 1943 года. Курт Вайль написал музыку. Шоу, которое проходило перед аудиторией в 40 000 человек, большинство из которых впервые услышало о Катастрофе, вызвало огромный успех. Оно также прошло в Филадельфии, Чикаго, Вашингтоне, Лос-Анджелесе и других главных городах США.

Элеонора Рузвельт, супруга президента Соединенных Штатов, написала статью, выражающую сочувствие судьбе европейского еврейства. Демонстрации в защиту евреев начались по всей территории Соединенных Штатов, а 6 октября 1943 года делегация из 400 ортодоксальных раввинов отправилась в Белый дом, чтобы встретиться с президентом.

9 ноября 1943 года конгресс решил представить законопроект о создании государственной организации по проблемам беженцев. В январе 1944 года был создан Совет по делам военных беженцев. 200 000 евреев Венгрии выжили и уцелели, благодаря усилиям этого совета, созданного с помощью Хехта и его друзей. Их история была подвергнута цензуре и не включена в учебники израильских школ только потому, что они не принадлежали к «правильному политическому лагерю».

Несколько лет спустя Бен Хехт написал книгу «Ложь», ставшую самым суровым приговором еврейскому руководству Америки во время Катастрофы. В этой книге он рассказал, как еврейские функционеры и «трудолюбивые» сионисты саботировали его усилия и усилия его товарищей-ревизионистов по спасению евреев Европы.

Бен Хехт скончался в 1964 году в Нью-Йорке. В последний путь его сопровождали друзья из ревизионистского движения, среди которых был Менахем Бегин, ставший позже премьер-министром Израиля.

Оши Дерман, «ХААРЕЦ», Л.К.

ОО «Харьковский музей Холокоста»

благодарит Брониславу Грому

за пианино, переданное в дар

нашей организации

«Дайджест • Е»

Издатель:
Харьковский музей Холокоста

Главный редактор **Лариса Воловик**
Верстка **Сергея Рожкова**

Наш адрес: 61024, Украина,
Харьков, ул. Ярослава Мудрого, 28

Телефоны редакции:
(057) 700-49-90, 714-09-59

http://holocaustmuseum.kharkov.ua/

E-mail: kharkovholocaustmuseum@gmail.com

Отпечатано в ТОВ «ПЕТ»

Московский проспект, 247.

Тираж 1 000 экз.

Подписан в печать 26.02.2019 г.

Заказ №

**Газета выходит при финансовой поддержке
Благотворительного Фонда «ДАР»**

Рег. свид. ХКН№241 от 05.01.1995г.